B112455

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАК ЭТО БЫВАЕТ

ОАК
Фронт. б-ка

В112
455

ГЕННАДИЙ ФИШ

КАК ЭТО БЫВАЕТ

(Старшина Иван Шишкин)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1943

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
787137

Редактор С. Сулимин

Подписано к печати 29 ноября 1943 г. Б—4152
Печати. листов 0,63 Учетно-авт. листов 0,62.
Тираж 10000. Госиздат № 152. Заказ № 143

Государственная типография Тегозеро.

I

С вечера была оттепель. Снег набухал и под ногой становился плотным, скользким и темным. Потом нежданная оттепель снова сменилась морозом.

Финская ракета осветила небо и землю, и настороженные леса, и склоны высоток ровным, неживым зеленоватым светом.

Старшина Иван Николаевич Шишкин приподнялся над бруствером, и перед ним, освещаемая ракетой, встала картина, изученная за последние дни до самых мельчайших подробностей: не напрасно-же он больше недели каждую ночь мерз в окопе, наблюдая за неприятельскими траншеями, мысленно размечая каждый шаг, от одного камня к другому. Рядом с ним стояли верные его товарищи—семь человек. Как только погасла ракета, он скомандовал:

—За мной!—и, ловко опершись на руки, перебросил свое тело через бруствер. За Шишкиным перемахнули через бруствер семеро его товарищей и то пригибаясь, то ползком стали спускаться вниз по склону. Под ногой они ощущали хрусткую и твердую снеговую корку.

Через несколько минут разведчики услышали журчание небольшой бурливой речки, не замерзавшей даже и в самые сильные морозы. За речкой начинался склон сопки, по вершинам которой проходила финская оборона. Через речку надо было перебираться, перескакивая с камня на камень, расстояние между которыми было не больше шага. Камни казались гладкими, словно отполированными. Для того, чтобы не промочить ног, разведчики, отправляясь в путь, надели прорезиненные чулки противоипритных костюмов.

Шишкин первым переходил через речку. Он осторожно ступил с берега на черный обледеневший камень. Чулки противоипритного костюма оказались очень скользкими. Перескакивая на второй камень, Шишкин потерял равновесие и очутился в студеной быстрой воде.

—А ну, ребята, скидай чулки и переходи! Я поддержу!—тихим голосом скомандо-

вал он и, сам шагая по воде, которая доходила ему до пояса, стал переводить товарищей по камням на другой берег, поддерживая их обеими руками, чтобы они не поскользнулись и не свалились в воду.

И только переведя свою группу на противоположный берег, Шишкин почувствовал, как ломит от холода все его тело. Казалось, каждый сустав промерзал в отдельности.

Разведчики залегли у берега, а Шишкин, припадая на одну ногу, быстро отправился назад. Он дошел до своей землянки, снял мокрое и, второпях не попадая в рукава, надел чистое сухое белье, наскоро проглотил живительные сто грамм и почти бегом устремился обратно к тому месту, где его поджидали товарищи. Ему было жалко ребят, которые там томились, лежа в снегу.

...Промерзлый после оттепели снег отчаянно хрустел и поскрипывал под ногами. Сделав несколько шагов, разведчики останавливались и прислушивались—не выдал ли этот предательский хруст их движения. Так они дошли до колючей проволоки.

Сапер Меренчук, недоумевающе пожимая плечами, осторожно втыкал шомпол в снег, разламывая его верхнюю корочку,

чтобы под ней обнаружить мину. Но смерзшийся наст плохо поддавался его усилиям.

—Так ничего не сделаешь! Попусту обнаружим себя и взорвемся,—опечаленно сказал Меренчук,—надо отходить назад.

Шишкин видел, что Меренчук прав. К сердцу его подступала обида от того, что так хорошо задуманный поиск срывается из-за проклятой перемены погоды. Но делать было нечего—не взрываться же всем на вражеских минах, без всякой пользы для дела и на радость фашистам.

И Шишкин скомандовал отход.

Пять лет назад Иван Николаевич сломал ногу, его признали негодным для строевой службы и, призвав в дни Отечественной войны в армию, зачислили в строительный батальон. Но двадцатисемилетний мужчина Иван Шишкин хотел сам, никому не передоверяя, драться с врагами своей Родины. Он чувствовал свою личную ответственность за ее судьбу, и поэтому он так долго просил командование отправить его на передовые позиции. Наконец, его зачислили старшиной одной из рот полка, находившегося на переднем крае. Он был очень деятелен. Отыскал среди бойцов сапожника и дал ему работу. Сам вместе с санинструктором вырыл землянку для кухни.

То были дни, когда Красная Армия под Сталинградом поймала в капкан гитлеровцев, когда один за другим возрождались освобожденные советские города и села. В эти дни Шишкин ходил задумчивый. Он хотел участвовать в разгроме вражеских полчищ. Ему нужно было своими руками уничтожать фашистов. Он выпросил разрешение организовать группу охотников ротной разведки и организовал ее. Однажды он с надеждой в голосе спросил:—Нельзя ли перевестись на Южный фронт?

—Воюй здесь!—ответил командир,—гитлеровец, приконченный в карельском лесу, не сможет драться на Украине! Воюй здесь! —повторил он.

Так „нестроевой" Иван Шишкин стал разведчиком. Он принес из неприятельского окопа ручной пулемет и автомат „Суоми", он уничтожил нескольких фашистов, грудь его украсила медаль „За отвагу". Он понял, что так же полезно и почетно истреблять гитлеровцев в карельском лесу, как и в донских степях. И вот теперь, когда он стал разведчиком, когда он обещал командиру полка достать „языка",—из-за этой ледяной корки, покрывшей под собою вражеские мины, пришлось давать команду об отходе.

II

Прошло несколько дней. Завьюжило, но стало теплее. Твердая ледяная корка размякла, и можно было снова отправиться в поиск. И опять, стоя в траншее, Шишкин оглянулся на своих товарищей. Теперь у бойцов в руках были доски—трапы для перехода через речку.

Шишкин еще раз пересчитал гранаты в в карманах и у пояса. Меньше восьми он не брал. За пазухой покоился в тепле верный пистолет—Тульский—Токарева.

До речки дошли без помех. Положили на камни доски и по ним легко переправились на другой берег. Рядом со старшиной шел сапер Семенычев. У него, казалось, было какое-то сверхчеловеческое чутье. Еще не доходя до проволоки, он обнаружил и снял четыре мины натяжного действия. Осторожно, так, чтобы в ночной тишине не звякнули стальные ножницы, Семенычев прорезал проход в колючей проволоке. До траншеи оставалось уже только двадцать пять метров, когда Шишкин заметил две каски, шевелившиеся над бруствером. Два солдата! Два возможных языка! Все замерло в груди. Не спуская глаз с касок, он продолжал ползти вперед

на локтях и коленках, то и дело глубоко проваливаясь в снег и все время забирая немного влево.

— С фланга зайду, с фланга! — мысленно повторял он.

Но вот один из фашистов, заслышав шорох, встрепенулся. Он быстро повернулся в сторону разведчиков, наводя на них ручной пулемет.

Тогда, изловчившись, Шишкин швырнул в окоп первую гранату.

—Ахмедшин! Очередь!—скомандовал он.

Звук от взрыва гранаты смешался с дробным звуком очереди Ахмедшина.

Рывком, в одну секунду преодолев расстояние, Шишкин вскочил в траншею и наклонился над упавшим на дно окопа солдатом. Тот был мертв и в языки не годился.

Второй финн успел уже скрыться за поворотом. На месте остались три винтовки, автомат „Суоми“ и ручной пулемет. Шишкин подхватил автомат и побежал по каменистой траншее влево. Не оборачиваясь, по дыханию, по многим почти неуловимым, но точным признакам он знал, что за ним бегут, не отставая, товарищи. И еще он знал, что там, через речку, на другом склоне высоты в нашей траншее напряженно прислушиваются к каждому звуку боя, до-

летающего отсюда, и командир полка и командир роты, и все его товарищи-бойцы. И всем сердцем, всем напряжением воли они желают успеха им, бегущим сейчас по этой чужой каменистой и скользкой траншее. И эти ожидающие его друзья были сейчас для Шишкина лицом всего народа, желанием их было—желание Родины.

Частая стрельба боевой тревоги началась в глубине финской обороны. Трассирующие пули жалобно засвистали у самого лица, чуть ли не обжигая кожу. Шишкин плашмя бросился на дно траншеи. Из-за поворота, притаившись за выступающим из стенки валуном, били два финских автоматчика.

Шишкин лежа израсходовал полностью диск, лежащий рядом с ним. Николаев тоже расстрелял диск своего ППШ. Но пули только отбивали мелкие острые осколки камня. Финны же попрежнему как ни в чем не бывало продолжали строчить из автоматов. Тогда, приподнявшись на локте, Шишкин метнул одну за другой две гранаты. Выстрелы замолкли. Шишкин вскочил и побежал вперед, надеясь, что финские автоматчики только ранены.

Но не тут-то было! Одного из них взры-

вом гранаты разнесло в клочья, другой был просто убит.

—Мертвый! Сволочь! — разочарованно выругался Шишкин.

Слева от убитых стоял станковый пулемет. Шишкин хотел его взять. Он дернул за ручку. Но пулемет был прикован цепями к кронштейну. Пока он пробовал сдвинуть с места пулемет, четверо разведчиков пробежали мимо него вперед по траншее. Другие четверо оставались прикрывать справа, на том месте, откуда Шишкин спрыгнул в траншею. И в это же время Шишкин услышал, как в траншее по ходам сообщений, ругаясь, бегут из землянок финские солдаты, и еще он услышал очереди финских автоматчиков, которые заходили сейчас со стороны советских окопов, чтобы отрезать отход разведчикам.

—Надо соединяться и отходить,—мелькнула мысль у Шишкина.—Но не оставлять же врагам исправный пулемет!

Он подложил под замок две гранаты и отбежал в сторону. Пулемет взорвался. В эту же секунду Шишкин услышал, как рвутся дальше по траншее гранаты. Это бились верные его друзья. Они уничтожили в траншее еще четырех солдат.

—Справа обходят! —услышал он голос Николаева.

— Оттягивайся! — громко скомандовал Шишкин и побежал обратно, где поджидали товарищи из прикрытия. Подбежав к ним, он приподнялся над бруствером и увидел, как белофинны на лыжах, человек пятьдесят, спешат справа, перерезая тропу, перехватывая проделанный в проволочном заграждении проход.

— По паразитам огонь! — скомандовал Шишкин. В сторону белофиннов полетели последние гранаты, и заработали наши автоматы.

Враги сразу же залегли в снег. Финский офицер, приподнявшись, крикнул:

— Рус, сдавайся...

Больше ничего в жизни ему уже не пришлось ни говорить, ни кричать! Последней из восьми гранат Шишкин уничтожил его. Затем он обшарил свои карманы и пояс.

— Гранаты! Ребята, давай мне сюда гранаты, у кого есть! — обернулся он к товарищам.

— Нет гранат! — ответил Николаев.

— Вот финские! Целый ящик! — крикнул сержант Ермолин.

— Давай! Давай! Давай! — повторял разгоряченный боем Шишкин.

Николаев и Ермолин подтащили к нему тяжелый ящик, наполненный гранатами. Шишкин взял одну. Никогда раньше он такой не видал. На деревянной ручке. На проволочке шарик—не то фарфоровый, не то из пластмассы.

— А! Была не была! — и он выдернул шарик и бросил вперед во врагов гранату. Раздался взрыв. Значит, все в порядке. И он стал швырять в финнов их же гранаты.

— Вашим добром бью вам челом, паразиты! — кричал он, швыряя гранату.

Каждую гранату Шишкин выпускал с присказкой. Когда он метнул десятую, в нескольких шагах от него заработал пулемет. Это сержант Липовка наладил захваченный у финнов ручной пулемет.

Когда Шишкин бросил двадцатую гранату, он увидел, как финские лыжники уходят, забирая своих раненых и убитых. Через несколько минут в окопах стали рваться мины. Это неприятель бил из ротного миномета по своей же обороне.

—Сигнал! — скомандовал Шишкин. Ермолин выпустил две красных ракеты, и сразу же, разрывая темный ночной воздух, прикрывая разведчиков, засвистели мины. Наши ротные минометы (они только и

ждали этого сигнала) стали бить по финским.

— Отход! — скомандовал Шишкин, довольный работой минометчиков. Он сам взял трофейный автомат, сержант Липовка взвалил на себя ручной пулемет.

Выйдя из траншеи, Шишкин приказал выпустить две желтых ракеты, и в ответ на этот сигнал заработали наши батальонные минометы.

— Более сорока финнов убито. У наших ни у кого нет даже царапины, — рапортовал подполковнику Шишкин, держа руку у козырька.

— Это хорошо! Только вот языка все же не достали! — сказал подполковник.

— Я завтра же снова отправляюсь на поиск, — вспыхнул Шишкин.

— Нет, послезавтра. — День отдохнешь! — приказал командир.

И снова через день отправился Шишкин на поиск. Не было покоя его сердцу, пока он не выполнит своего обещания.

III

Выступили в шесть часов вечера, перед сменой финских караулов, когда одна смена уже устала, а другая не успела еще заступить на ее место.

Прорезанный позавчера ночью ход был уже заделан. Сапер Черемисин рассмотрел за проволокой два ряда свежепоставленных мин.

Надо было прорезать новый ход. Отошли метров на сорок вправо — оказалось, что там совсем не было минировано. Шишкин, а за ним Тимашев, Рычихин, Горохов, Коженевский проползли вперед, а Черемисин остался у проволоки расширять только что сделанный проход, чтобы удобнее было волочить обратно „языка".

Осторожно, боясь, что даже пар дыхания может выдать их, ползли разведчики к финским траншеям и притаились на скате, чуть ли не у самых вражеских боевых постов. Поджидали, пока часовой пустил ракету и медленно размеренным шагом пошел к другому концу траншеи. Действия его были изучены отлично за две недели наблюдения.

Быстро взвившаяся в небо ракета опускалась обратно на землю, озаряя ровным немигающим светом снежные прогалины, сопки и леса. Прижимаясь плотнее всем своим телом к снегу, словно желая в нем раствориться, Шишкин не мог удержаться, чтобы не посмотреть назад,—как выглядит отсюда наша высота.

Она стояла тихая и безмолвная, словно зачарованная, словно не было на ней ни одной живой души.

Когда ракета погасла, Шишкин быстро перелез через финский окоп и пополз дальше в глубину. Для того, чтобы финские солдаты не могли удрать как позавчера, он на этот раз решил зайти в траншею с тыла, метров за пятьдесят до их землянок.

Ход был узкий и извилистый. С обеих сторон стояли скользкие стены окопа, покрытые белым снегом. Высоко в небе, в разрывах между быстроидущими облаками, мерцали спокойные холодные звезды. Шишкин, Рычихин и Тимашев должны были захватывать пленного. Трое других прикрывали их со спины. У входа в траншею Шишкин вдруг увидел, как спиною к ним стоят два солдата — один из них казался великаном — и разговаривают между собой.

— Сейс антауду! Сдавайся! — крикнул Шишкин, вскакивая на ноги.

Вслед за ним вскочили Рычихин и Тимашев.

Один из финнов, не оборачиваясь, закричал тонким истошным голосом, как сумасшедший, и, выпустив из рук винтовку,

перепрыгнул через бруствер и бросился бежать вниз по склону. Второй, великан — схватился за свой автомат и стал поворачиваться к разведчикам. Шишкин выстрелил в упор из пистолета в солдата. Тот выронил из рук автомат, всем телом повалился к брустверу и громко закричал густым низким голосом. Рычихин и Тимашев бросились к нему, а Шишкин схватил выпавший из рук финна автомат „Суоми", перевалился через бруствер, вскочил на ноги и устремился вслед за беглецом. Проваливаясь в глубокий снег, с трудом вытаскивая ноги, солдат успел пробежать по склону всего лишь шагов пятнадцать. Шишкин пустил ему вслед короткую очередь — в три выстрела. Солдат упал. Шишкин добежал до него. Враг был мертв. Тогда, запыхавшись от бега, Шишкин вернулся обратно. Рычихин и Тимашев в тесноте траншеи все еще боролись с финном. Размахивая руками, этот силач яростно отбивался, и справиться с ним было не легко. Гогуноков, Коженевский и Горохов не могли прийти на помощь, так как они вели точный огонь по финским солдатам, которые уже бежали по ходам сообщения и напрямик — на помощь к своим часовым.

Шишкин подбежал к великану, трижды

ударил его рукоятью пистолета по голове и, сразу же сорвав с руки влажную заснеженную варежку, впихнул ее ему в рот и завязал припасенным шнуром. Белофинн поневоле закончил свой концерт. Напрягая все свои силы, Шишкин перебросил пленного через бруствер и, выбравшись вслед за ним, крикнул Гогунокову:

— Сигнал!

Красная ракета взвила кверху. Справа уже подбегали финны на лыжах, с автоматами. Их было человек двадцать пять. Несколько мин, пущенных нашим ротным минометом, разогнали их.

Шишкин, Рычихин и Горохов тянули за собой по снегу яростно сопротивлявшегося финна.

Тимашев, Гогуноков и Коженевский, остановившись у бруствера, прикрывали отходящих товарищей.

Разведчики подтащили пленного к проволочному заграждению. Расширенный Черемисиным проход все же был узким. Тогда Шишкин сорвал с финна его шубу и бросил ее на проволоку, затем скрутил пленному руки и ноги сигнальным шнуром и, волоком по снегу протащив его через проход, потянул к речке.

В это время из финской обороны начали бить четыре станковых пулемета и минометы всех калибров. Два пулемета строчили по шубе, черневшей на проволоке. До рассвета было еще далеко. Шишкин хотел остановиться и, лежа в снегу, переждать этот шквальный огонь. Но тут финн застонал и внятно сказал:

— Доктора! Доктора!

— Чего доброго, он помрет еще, если не оказать помощи! — испугался Иван Николаевич.

Он встал и заставил подняться пленного. Затем, поддерживая его, повел по трапу, сам шагая сбоку в воде, холод которой леденил сердце. Пленный шел уже покорно и однотонно повторял:

— Рус, рус! Ваш я, ваш.

Редко на этом участке был такой огонь, как в эти минуты. Свыше четырехсот мин выпустили финны по нашим разведчикам. И когда Шишкин уже перевел пленного на другой берег, он вдруг почувствовал резкую, острую боль в лопатке. Пуля прошла насквозь.

На другом берегу наши уже поджидали разведчиков.

Пленного, который оказался капралом,

— уложили в волокушу и повезли. На вторую волокушу положили Шишкина. Он лежал навзничь и смотрел на темное зимнее небо, на быстро бегущие облака и редкие мерцающие звезды.

Прошло всего пять часов с той минуты, как он вышел из своих траншей на поиск. И вот теперь его везли на командный пункт — и он, лежа на волокуше, видел, как смыкались над ним заснеженные вершины сосен и елей, и был счастлив. Слово свое он сдержал.

К волокуше подошел командир полка. Шишкин встал перед ним и доложил:

— Задание выполнено.

Он хотел приложить руку к шапке, чтобы отрапортовать по всей форме, но раненая рука бессильно повисла.

— Да, задание выполнено, — сказал командир. — И потерь у нас нет. Язык добыт стоющий! Спасибо, товарищ Шишкин!

— Служу Советскому Союзу — ответил Иван Николаевич и снова хотел приложить руку к ушанке...

Через месяц, уже возвращаясь из госпиталя в часть, он прочитал во фронтовой газете приказ о награждении его орденом Отечественной войны.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОИК-74283

Товарищ читатель! Издательство просит Вас прислать отзыв о прочитанной книге по адресу:
г. Беломорск, Советская 12,
Госиздат Карело-Финской ССР

Цена 30 коп.